

“И каждый здесь свою играет роль...”

Смелая, - С. И. - 1995 - 20 июня - С. 5

ИСТИННЫМ праздником стали гастроли Московского академического театра имени Маяковского, которые с большим успехом проходят на сцене Дворца культуры имени Ленсовета. Казалось, что ничто уже не может удивить петербуржцев в насыщенной фестивальной атмосфере июня. Однако премьерный ажиотаж возник буквально с первых же спектаклей москвичей. Театралы Питера обменивались уже подзабытыми воспоминаниями: “А вы видели “Жертву века”?”, “А как вам понравился Костолевский в “Кине Четвертом”?”, “Правда, Лазарев хорош в “Шутке мецената”?”

ЛЮБИТЕЛЯМ театра было отчего прийти в радостное возбуждение: из шести названий четыре составляли недавние премьеры “Маяковки”. Из этой “четверки” две постановки и вовсе близились лучшими московскими спектаклями последнего сезона. Мудрость организаторов гастролей (агентство “Арт-бизнес”, дирекция ДК имени Ленсовета при поддержке Комитета по культуре) как раз и состояла в том, чтобы начать их с самой высокой ноты. Такой оказалась “Жертва века”.

Бессмертный с 1967 года лидер театра, классик отечественной режиссуры Андрей Гончаров увидел в традиционной мелодраме Островского “Последняя жертва” не только нравоучительную историю об обманутой молодой вдове, но и сюжет, полный современных страстей, мотивов поведения и поступков. Яркое музыкальное антре участников спектакля в прологе сразу же погружает публику в атмосферу кафешантанного действия, когда декорация напоминает не то сад “Эрмитаж”, не то летний ресторан. Здесь не любовь и благородство правят бал. “Всюду даньги, деньги, деньги, господа”, — мило вскридывая мошки, выводит хор исполненных шансонеток. И кажется, будто смотришь ту гончаровскую постановку “Банкрот”, которую называли в 70-е годы “комедией-балетом”. Но тогда не были столь популярны раскаты, хулики и “хозяйва жизни” типа Салая Салтановича (Байковской) и Джигарханяна. В спектакле Гончарова играют эту роль по очереди). Нынче окладывают на первый план (в буквальном смысле). Вся “Жертва века” — идет под ироничный комментарий двух разносчиков вестей, который вполне могут и в карты с Дульчиным (А. Прокопий) сыграть, и от него же потребовать должок.

Гончаров свел бытовые реалии текста Островского к минимуму, освободив актеров простором для игры и фантазии. Резко очерченный абрис того или иного сценического характера иногда кажется утрировано комическим, но ведь смотрим-то мы комедию, а не драму! А посему и невероятное количество интонаций, харак-

терная пластика и отточенный жест выглядят как остротенный “комментарий” к происходящему на сцене. Артисты купаются в той атмосфере оценочного веселья, которое в режиссуре Гончарова не выглядит безудержным. Ритм беззаботного и бездумного бытия Дульчина и его окружения словно подсмотрен в среде “новых русских”, и ему нелегко подчиняются даже те герои, которые в прежних версиях “Последней жертвы” (недаром и постановка названа иначе) выглядели как степенные и основательные люди.

Резительная перемена произошла со свахой Глафирой Фирсовой, когда-то прочно удерживавшей первенство в разряде комических старух. Нынче в бенефисном исполнении Натальи Гундаревой, характер стал едва ли не центральным в композиции спектакля. Глафира, как мотор, заводится от преследования интриги и “заводит” остальных героев своим желанием и “честью соблабости, и капитал приобретети”. А вслед за ней и купец Прибытков (И. Охлупин) то ли из озорства, то ли из честолюбия пытается добиться благосклонности красавицы Юлии Тугиной (Евгения Симонова). Любви здесь нет и в помине. Восхищаться Юлией дано нам, зрителям, зачарованно и удив-

ленно взирающим на каждое появление этой искренней и очаровательной женщины (никогда ранее не была так хороша Евгения Симонова на сцене). Язык не поворачивается назвать ее “жертвой”, но обстоятельства таковы, что и тогда, и нынче добродетели и красоте уготованы места прислужниц за пиршественным столом хамства и бесстыдства.

“Жертва века” по праву была названа лучшим московским спектаклем года и получила приз “Хрустальная Турандот”, ибо явила и неувядающее мастерство Гончарова, и свободное дыхание любимых и популярных артистов на сцене, и обостренную до предела иронию театра в адрес “свинцовых мерзостей жизни”. Мы смеем-

ся и над героями “Жертвы века”, и вместе с ними — и теми спасаемся от более тяжких дум, печалей и забот. В спектакле все роли сыграны от начала и до конца с той степенью самоотдачи, на какую немногие сегодня способны. О цене этой самоотдачи напомнила зрителям и самая последняя премьера Театра имени Маяковского — трагикомедия Григория Горина “Кин Четвертый”, рассказывающая о судьбе великого британского трагика Эдмунда Кина и его непростых отношениях с принцем Уэльским.

Репризный характер пьесы был предопределен соединением мотивов сочинений Шекспира и Дюма, посвященных королю сцены. Недаром Горин уже успел получить за нее “Хрустальную Турандот”. Аналогичный приз увенчал и великолепную работу Александра

Лазарева в роли Кина.

Пудко встретил на отечественных подмостках артиста, способного сегодня играть острохарактерную, очную роль Лазаря Мирановича в “Жертве века”, а на сцене Питера (как это было во время питерских гастролей) на сцену вложившей роли гениального трагика. Александр Лазарев оказался счастливым и удачливым артистом. Порою кажется, что он, как и его герой, может сыграть абсолютно все: от буффонады до высших взлетов трагедии. Режиссер “Кина Четвертого” Татьяна Ахрамкова, как и ее учитель Андрей Гончаров, не сомневается в Лазареве, ни Игоря Костолевского (Принц Уэльский), ни очаровательных исполнителей женских ролей (Е. Романова, С. Немолтаева, Г. Бабкина) строгими мизансценами. Она творит мир своей фантазии на почти пустом пространстве сцены, где обозначен рамкой лишь минипортал театра “Друри Лейн”. В этой декорации может разгрататься и драма любовной страсти Кина, здесь же он может исполнить и отрывок из шекспировского “Гамлета”.

Театр и жизнь уравнены в спектакле Ахрамковой как две стороны одного и того же причудливого мира. В нем кумир пубрики может рухнуть вниз и стать шутом, забавляющим случайных посетителей кабака. Но и король Британии, мечтающий

играть на сцене, может стать игрушкой в руках безжалостной судьбы. И если в первом акте спектакля отношения Кина и Георга выглядят как борьба за женские сердца двух друзей-приятелей, то во втором они уже понимают, что каждому из них на Земле уготована своя, порой трагическая роль. Легкость улыбки и игривость интонаций, часто вызывающие заслуженный смех зрительного зала, сменяются глубокой иронией в адрес собственных недуг и слабостей, которая объединяет и героя Лазарева, и героя Костолевского. Дуэт комедiantа и самодержца становится в их исполнении взвешенной сценой двух талантливых людей, чьи дух и плоть режутся за пределы обыденности.

В конце концов для того и существует театр, чтобы ощущать жизнь не как нудное и механическое следование раз и навсегда избранному пути, но как возможность унести с мыслью, и чувством туда, где не действуют законы первоначального накопления капитала и свободного рынка-базара. “Жертва века” и “Кин Четвертый”, которые подарил нам Театр имени Маяковского, из числа таких постановок.

Сергей ИЛЬЧЕНКО

* А. Лазарев (“Кин”)

* Н. Гундарева

и А. Джигарханян

(“Жертва века”)